

НАТАЛЬЯ БЕРЯЗЕВА

Осколки

Наталья Александровна Берязева
Осколки. Истории,
которые ранят

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21125251
ISBN 9785448315695

Аннотация

Новая книга Натальи Берязевой. Совсем не сказки, которые так полюбили наши читательницы. Это истории про нас. Осколки нашей жизни. Которые все еще ранят.

Содержание

Вместо вступления	5
Сашка. Неожиданная встреча	8
О чем молчит старая мебель	16
Шаблоны, или История Ляны	23
Киви	27
Карьера или жизнь	32
Когда уходит боль	37
Старый приемник	43
Соседи	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Осколки

Истории, которые ранят

Наталья Берязева

© Наталья Берязева, 2016

© Александра Толстова, иллюстрации, 2016

Редактор Марина Акимова

ISBN 978-5-4483-1569-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо вступления В продолжение Толстого

Детство

И только хорошее. Хоть это вранье.

Детство на окраине провинциального города. Резиновые сапоги и вечная грязь.

Папа-фронтовик и образованная бабушка.

Игры в футбол и в «жопу». Это когда, сидя на заднице, отбиваешь мяч ногами. Главное, чтобы не попали именно в нее самую, то есть в жопу.

Уверенность, что СССР – лучшая страна на свете. И что я живу лучше, чем бедная американка, замученная капитализмом.

Лидер класса и лучшая пионерка. Песни. И строим – в светлое будущее. Запевала в хоре. Футбол без правил.

Сожаление о том, что не мальчишка.

Все как у всех, но претензии к жизни имею. Мечты уехать навсегда. И забыть любимый город, чтобы он спал спокойно. Без меня.

Юность

Старшие классы. Первая любовь. Поцелуи без счета. И нет уже досады, что я не мальчишка. Но девственность и честность сохранила. Чтение запоем. Зимой у печки. Ведь Сибирь – холодно у нас. И братья старшие со мной. И бабушка: то с книжкой, то с вязаньем. Стена в открытках. На них красавицы в мехах и бриллиантах. И грусть чуть-чуть. А что, бывает лучше?

И понимание, что не уродка я, но все же... не принцесса.

Спортшкола, опять чтение, футбол. И химия, которая портит аттестат. Зубрежка летом. И желанье быть любимой. Все это юность. Глупая, с тоскою, с бессонными ночами, с прерывистым дыханьем в первом танце. И робость оттого, что твой избранник рядом. Желание убить ее, ту, что парня увела. И первый алкоголь, и первые обманы. Но только есть мечта – учиться и уехать. Подальше от болот и от тоскливых мест.

И вот он, мой иняз. И Лилька здесь, подружка. И Готов – мудрый педагог. И первая любовь, что длилась почти вечность. Потом – его женитьба на другой. И пустота внутри. И жизнь оборвалась. И первые стихи, и первый мой роман. Уже не с человеком, а с писательской тоскою. И вечный поиск: куда же я иду?..

Осенний день, и близорукость меткой становится моей. Очки снимаешь – и мир другой. Искрится лист, роса становится звездой, травинка предо мной огромным лесом, а бабочка волшебной Нефертити. Мир открывается другою сто-

роной. Неведомой и яркой. Очки надел – и серость будней вползает в душу, как слизняк. Прошла любовь, завяли помидоры. И годы пустоты, и поиски себя. И снова вдруг – любовь! «А глаза твои – черные сливы, выпадут вновь слепые дожди».

Но дождь был не слепой. Случилась свадьба, дети родились.

Зрелость

Куда деваться? Она уж наступила. И годы пройденные оставили свой яркий след. Из лучшего: занятия языками, психологией, цветами и Лилькино дыхание рядом. Готова отдавать, делиться сокровенным, подсказывать, учить, возможно наставлять. Дарить, прощать, поддерживать советом, вправлять мозги, немного укорять. А может, даже шлепнуть ненароком по попе, если лезет не туда. Готова я признаться. Мне есть что вам сказать. И есть что подарить.

Наполнена я смыслом бытия, его движеньем, болью и отрадой. Готова послужить тому, кто честен пред собой и мне готов открыться. Я знаю жизни путь и, может, подскажу, куда идти и где сиянье света. Лишь только твоего. Ведь все мы уникальны.

Сашка. Неожиданная встреча

Надежда Николаевна стала плохо спать. Так странно. Раньше вставать на работу было проблемой, а как вышла на пенсию, то в пять-шесть часов утра – сна ни в одном глазу! И желание куда-то идти и что-то делать.

Встала. Солнце ярко светило. Включила лекции Торсунова. Пусть говорит, а она пока сварит кофе. То, что говорит доктор, имеет право на существование, но не со всеми его высказываниями она согласна, хотя иногда приходят какие-то озарения, она понимает природу тех ситуаций, которые случались в жизни и которые она уже подзабыла.

Выпила кофе и решила пойти гулять. На набережную. Погода прекрасная. Почему бы нет?

Легкий сарафан, удобные туфли – и вперед!

В голове крутилась любимая аффирмация: «Я есмь дух высшего процветания, гармонии и любви». Так их учила говорить Наталья Правдина.

Идешь, повторяешь в такт шагам. И вдыхаешь, вдыхаешь запах любимого города.

В такое раннее время на набережной пусто. Можно долго гулять, просто смотреть на воду, радуясь, что тело здорово и вообще все хорошо.

Неожиданно подошел мужчина.

С красным опухшим лицом, с явно выраженным похмель-

ным синдромом. Пальцы веером. Так ведь говорят про тех, кто как-то странно выворачивает пальцы, пытаясь помогать ими себе при разговоре.

– Я – Сашка. Я из Нахаловки. Знаешь, где такая?

– Да, это частный сектор. Где-то недалеко от центра.

– Не где-то, а рядом с железнодорожным вокзалом, направо. Там я вырос. Я – Сашка. Любитель приключений и водки. Не уходи. Давай поговорим. Тебя как зовут?.. Надежда?.. Надежда Николаевна?.. Ты вечером сюда не приходишь побалдеть? Че ты, че ты, ты вполне себе еще ничего. Мужчинам бы понравилась. Давай я тебя провожу. Просто так. Я только что похмелился, сильно поговорить хочется.

И, не ожидая ответа, продолжил:

– Свое счастье я так и не встретил. Точнее, было оно мимолетным. Упустил я его. Вот когда на суд к отцу нашему приду, туда, на небеса, – Сашка указал пальцем на небо, – то ему решать, куда меня отправлять, в ад или в рай. Но так как я буду пьяным, то точно в ад. Но какое-то время будет, чтобы просто поговорить.

А так че, я согласен. Какой мне рай, если никому добра я не принес, никого не сделал счастливым. Без базара в ад.

Но сильно я хочу ему рассказать про одну девчонку, чтобы он ее спас. Про мою первую любовь. Кстати, ее Надькой звали. Не Надеждой, как тебя, а Надькой. Тогда я только-только стал брагу пить вместе с отцом после работы, я помогал ему на стройке. Надька была моей соседкой. Оторви башка девчонка. Ни в чем нам, пацанам, не уступала. И по гаражам мы вместе бегали, и мяч она с нами гоняла футбольный, и сдачи могла так дать, что от ее затрешины любой мог бешеным стать. Но это не главное. Пришло ее время, когда она перестала с нами в футбол играть, стала грудь рукой прикрывать и все реже на наши посиделки мужские откликалась. Тогда она уже в училище поступила. Мать ее устроила в какое-то технологическое. Какая там профессия и чему учили, я даже не знаю. Просто неожиданно стала она мне дорога. Ждал ее, как дурак, после занятий. Даже цветы дарил. Не поверите.

Сашка весь как-то сморщился, как будто собирался заплакать. Потом поднял лицо:

– Извините, не уходите, пожалуйста, Надежда Николаевна, очень надо поговорить. Совсем приперло. 45 лет уже, а я как говно в проруби. Хоть прощения у Надьки вымолю, потому что нет ее. Я ее загубил.

Любовь у нас случилась. Сильная. Что друг без друга никак. 18 ей исполнилось, мы комнату сняли. У нас в Нахаловке. Конечно, не то, что я хотел бы предложить любимой женщине. Зимой печку топить, уголь, дрова, колонка с водой на следующей улице. Но были вместе, и казалось, что рай. Я

отцу на стройке помогал. Она в каком-то технологическом цехе практику проходила.

Только стал я к бутылке сильно прикладываться. У нас на стройке как? Закончил объект – надо обмыть. Новичок в бригаде – беги за бутылкой.

Так я почти ежедневно домой пьяным стал приходить.

Надька психовала. Пыталась на совесть давить.

Однажды зимой пришел. Сильно выпивши. Ничего не соображал. Она мне говорит: «Очень важная новость. Ребенок у нас будет». А я ей возьми и ляпни: «От кого нагуляла, я же на работе все время?» Она вся аж почернела лицом. И как была в тапочках и в халате на улицу выскочила. А ведь зима была.

Уснул я пьяный.

Дальше и говорить уже не хочется...

Не стало моей Надьки, и ребенка не стало. И с того времени я ни одного дня трезвым не был.

Скоро, думаю, что совсем скоро перед отцом нашим стоять буду. Только он наверняка меня, как ты, слушать не будет. Потому спасибо тебе, что в такое раннее время ты тут оказалась. Спасибо, Надежда Николаевна.

Извини, напряг я тебя моей историей. А кому я ее расскажу еще? Моим собутыльникам, что вон там на лавочке сидят? Бог всем дает счастье, хотя бы один шанс, чтобы кем-то стать. Я выбрал водку.

Но че я тебе скажу. Я все равно намного счастливей вас

всех, просто людей. Я нашел мое счастье в водке. Я не знаю сегодня, завтра, вчера. Главное, найти выпить, а потом мир плывет и танцует и ничего больше не беспокоит. Если бы не Надька, я бы думал, что я, да, счастливый человек. А так совесть мучает. И никакое количество водки не помогает.

Меня Сашка зовут, помните? Сашка из Нахаловки. Если пойдете в церковь, поставьте свечку за меня и за Надьку. Я виноват, очень виноват. А с богом мне уже не обязательно объясняться. Я выговорился. Готов принять то, что заслуживаю. Жаль, что с Надькой не встретимся. Я бы попросил у нее прощения. И у ребенка, который не родился.

Извините, пожалуйста, извините. Спасибо, что не прогнали меня. Что просто слушали. С утра мне трудно быть счастливым. Я еще мало выпил. Сегодня мое счастье зависит от количества выпитого...

Он что-то еще говорил, говорил. Надежда Николаевна поднималась по ступенькам лестницы. Сашка из Нахаловки остался где-то внизу. Воспоминания о детстве и юности нахлынули на нее. Господи, как похож этот Сашка на ее брата, которого уже нет в живых. На ее соседа Генку, который тоже искал счастье в стакане. На ее одноклассника, который тоже любил рассуждать о боге и смысле жизни.

Тридцать минут общения с Сашкой – и жизнь целого поколения, пустая, никчемная, не имеющая никаких оправданий, – прошла перед глазами.

Она брела домой разбитая, уставшая, хотя выходила

из дома бодрой и счастливой.

В голове крутилось: «У каждого свой выбор. У каждого свой выбор».

Она ведь тоже родилась в подобной «нахаловке». Но слишком велико было желание вырваться оттуда. Ей это удалось.

Одутловатое красное лицо Сашки стояло перед глазами.

Неожиданно Надежда Николаевна повернула в противоположную сторону от дома.

В церкви, поставив свечку перед иконой мученицы Надежды, она успокоилась. Смотрела в спокойный лик женщины, думала о своей жизни и о жизни той незнакомой Надьки, которую погубил алкоголик Сашка.

В церкви было тихо, покойно и светло. Лучи солнца, падая из-под купола, освещали иконы, делая глаза изображенных святых живыми и участливыми. Казалось, что они смотрят на тебя и подбадривают. Она еще постояла у иконы Надежды, потом потихоньку побрела к выходу.

Она чувствовала себя счастливой.

Потому что на нее снизошел покой и умиротворение.

Она мысленно поблагодарила Сашку за встречу. Наверное, ей это было нужно. Чтобы прийти в церковь, постоять, подумать обо всех, кто был в ее жизни.

А на набережной на ступеньках плакал алкоголик Сашка. Потому что его впервые выслушали. Он тоже благодарил встреченную им женщину, которая совсем не случайно ока-

залась Надеждой.

О чем молчит старая мебель

Старый-старый шкаф. И комод, у которого уже плохо открываются ящики.

Они стояли на открытой веранде и ежились от холода. Они так долго жили в городской хрущевке, где было тесно, пыльно, где пахло старостью, что совсем забыли, какой запах у свежего воздуха, как поют птицы по утрам, как дышит ветер в кронах деревьев.

Их полное затворничество в крохотной провинциальной квартирке длилось много-много лет. И вдруг неожиданно они оказались в чужом и незнакомом доме. А перед этим долго тряслись в закрытом кузове машины.

Комод-то загрузили легко. Что там переносить? Ящики вынули, а без них он – как перышко. А вот массивный шкаф пришлось выносить втроем. С ним было трудно на узких лестницах хрущевки, потому мужчины то и дело кричали: «Поверни так! Нет, давай так! Поддерживай тут! Тяни! Подтолкни! Еще разок! Понесли!»

В итоге один раз шкаф больно царапнули, от этого даже осталась глубокая вмятина на дверце. Тем не менее минут через тридцать он все-таки лежал в машине. Тут же были четыре тяжелых стула, таких же старых и добротных. Их тоже сделал деда Саша. Это имя постоянно звучало при погрузке, потому шкаф, комод, тумбочка и стулья сразу его

вспомнили.

Да, это тот самый мастер, который однажды их сотворил. То есть дал им жизнь. Это он нежно гладил доски, строгал их, собирал мебель по частям, а затем покрывал лаком.

Они все жили рядом с ним долгое-долгое время. Только вот последние годы они его не видели. Осталась только баба Таня, которая подслеповато шаркала в одиночку по квартире. А потом поселилась тишина. Какая-то тревожная и тоскливая.

И вот – открытая веранда дома в лесу. Так тихо, морозно, даже немножко страшно. Точнее непривычно. Ведь столько лет провели они на одном месте. А тут такое потрясение. Дорога, новое место жительства, неизвестность.

– Что будет? Что будет? – перешептывались стулья. – Зачем нас сюда привезли?

Ведь уже несколько лет никто не открывал дверцы мебели, никто не сидел на стульях. Они жили в дремоте, время от времени переходящей в сон.

– Ах, какие вы красавцы! Ах, какие вы славные! Настоящие! Деревянные! – Вокруг мебели хлопотала симпатичная моложавая женщина. – Какие вы все добротные, в хорошем состоянии. Ни на кого не похожие. Ну, здравствуйте, здравствуйте! Да, да, вы будете жить еще долго и счастливо. Не сомневайтесь! Многие годы вами будут любоваться люди. Потому что в вас есть душа. Нужно только ее разбудить. Этим я и займусь.

Раскрасневшаяся от утренней свежести женщина радостно потирала руки. Потому что смыслом ее жизни и было как раз возвращение души старым комодам, буфетам, полкам, трюмо, этажеркам. Тем, которые помнили не фабричные станки, а руки настоящих мастеров-краснодеревщиков. В наши дни такие встречи не часты, потому так пела ее душа.

Она оттягивала момент, когда ее руки прикоснутся к старой мебели. Ей хотелось растянуть это предвкушение от встречи с сутью вещей. Первые поглаживания, первые касания, первое узнавание.

Ширк-ширк. И мир вокруг растворился. Началось священнодействие. Когда душа поет, когда наступает время гармонии.

Сколько лет она шла к этому пониманию себя? К видению души предметов?

Эх, к сожалению, много-много лет. Как старая мебель грустила в квартире, так и ее собственная душа тосковала в клетке навязанных представлений и идеалов.

Об этом думала женщина, начищая старую мебель.

Жизнь так странно устроена. В молодости кажется, что весь мир у твоих ног и это будет продолжаться вечно. И страницы юности в книге жизни все еще впереди. А потом оказывается, что книга уже подходит к концу, а непрочитанных страниц осталось совсем мало. И появляется страх, что ничего-то ты не успел и мечтам уже не суждено сбыться.

Но судьба все-таки существует. И предназначенье есть у каждого человека. В детстве, если рядом мудрый наставник, это легче понять. Если не повезло, то плутать можно долго. И уйти в мир иной несчастным человеком.

Когда она стала об этом задумываться? Когда эти мысли не стали давать ей покоя?

Когда разрушилась жизнь? Ушел любимый человек?

Или позже, когда, оглушенная и оупевшая от горя, она сидела одна в пустом и огромном доме?

Когда?

Когда это началось, она не помнит. Но зато прекрасно помнит тот миг, в который осознала, чего же на самом деле хочет ее душа. Которая по-прежнему была живой. Несмотря на все испытания.

А, может быть, испытания потому и выпали ей на долю, что пришло время вернуться к себе настоящей. Она ведь заблудилась. Совсем заблудилась в жизни. Но ее душа никогда не умирала, она робко, но настойчиво всегда звала ее куда-то.

Теперь она знает куда.

Она прекрасно помнит, как замерла перед старым стулом, который выглядел беспомощным калекой. Он лежал на полойке. Он был стар, жалок, он был никому не нужен. Но она увидела его другим. В блеске его былой красоты. Это был старый венский стул, изготовленный руками настоящего мастера. Этот стул был живой. У него была душа. Не задумываясь, она вытащила его из груды мусора и понесла в свой большой и красивый дом. Именно тогда она сама начала просыпаться, то есть возвращаться к себе.

Этот старый стул давно украшает ее комнату.

Потом были тумбочки, комоды, сундуки.

Вместе с ними возвращалось счастье. Благодарность. Радость жизни.

Почему так поздно?

Потому что раньше она спешила, торопилась, жила так, «как надо», а не так, как ей хотелось. Но вот жизнь сама все расставила по местам.

А ведь этого могло и не произойти.

Но произошло.

Значит, она нужна. Значит, она и была рождена именно для этого.

Женщина думает, а руки продолжают свою работу.

Ширк-ширк. Ширк-ширк.

Старый комод кряхтит, ежится, но подставляет бока. Он понимает: начинается новая жизнь.

И с благодарностью смотрят на женщину стулья, старый платяной шкаф и тумбочка. Они ждут своей очереди. Они счастливы, что попали туда, где понимают их душу.

Счастье – оно ведь у всех одинаковое. Когда тебя понимают.

Шаблоны, или История Ляны

Когда я была маленькой, моя мама говорила: «Доча, учись. В наше время стыдно быть неграмотной. Иди в институт».

И я училась и поступала в институт. Как все. Потом, как все, отстаивала очереди за книгами, потом за хрусталем, далее за стенкой «Галактика», потом были дубленки, джинсы. Что там еще?

Нам навязывали шаблон, и мы всячески пытались в него попасть. И очень переживали, если не достали, не купили, не хватило. Но так как не доставалось многим, то и горечь быстро уходила. И мы просто жили.

Сегодня на любом тренинге про желания что мы услышим?

Вот он, сегодняшней набор: дом (а лучше домик у моря), машина, престижная работа, путешествия.

Родился новый шаблон.

И все жаждут в него попасть.

Любой ценой.

Сейчас я вам расскажу историю. Из жизни.

Жила-была девочка. Очень умная. Пятерки в школе и в университете, любовь и быстрое замужество. Брак развалился. Страна тоже. Началась борьба за выживание. И вот

они – сумки, чартеры, бесконечные перелеты, кредиты, возвраты. А тут уже раз – и сорок лет! И тебе ни семьи, ни уюта, ни спокойствия в душе.

И зародилась у нее мечта уехать в Париж, подальше от тяжелой женской доли.

Поступила снова учиться. И не где-нибудь, а во Франции! Ничего, что возраст, в Европе можно. Закончилась студенческая виза, она поступила на другой факультет и – снова учиться. Ей-то, бывшей отличнице, учеба только в радость.

Кроме того, решила она, что не вернется больше в свою страну.

Потом снова закончилась виза. Она в консульство, а ей: «Мадам, ваше время истекло. Вам пора а ля мезон». То есть домой.

Но девушка всегда была упертой. Начала она искать мужа. На сайтах знакомств и при помощи специальных служб.

И чудо свершилось! Жан пожалел бедную русскую. Они поженились!

Только он оказался безработным.

Вот он, Париж, да толку-то что? Она разве о таком Париже мечтала? Она бы рада сама выйти на работу, да кому русский инженер женского пола в возрасте хорошо за сорок нужен? Своих девать некуда. Стали жить на деньги от сдачи в аренду квартиры в далекой России. Хорошо, что не продала.

Через несколько лет нашел Жан работу в одной из деревенок недалеко от шикарной Ниццы.

Ляна с гордостью сообщает русским подругам, что море от дома совсем близко, что ее квартирка просто прекрасная, что Жан и их котик ее просто обожают.

Нет, нет, к ней приезжать не надо. Жан не любит гостей.

Все здорово, только зимой она мерзнет, домик без отопления, а включать обогреватель Жан разрешает только в одной комнате.

Прекрасная деревенька, а Ниццу она вообще не любит, там столько русских, они себя так безобразно ведут, а она уже отвыкла от этого.

Да, бывает скучно, здесь ведь не дружат, ну тогда она выходит в скайп: «Ах, как мне вас жаль, опять у вас в России черти что происходит...»

Ляна страшно гордится, что она исполнила свою мечту. Она живет во Франции и каждый раз при встрече она это обязательно подчеркивает. С нескрываемой гордостью.

А я вспоминаю промозглый Берлин в январе.

Казалось, что от ветра никуда не спрячешься. И полежать в горячей ванне нельзя. Это очень дорого. Включить обогреватель нельзя. Это столько денег! Разжечь камин? Ну, сегодня же не праздник!

И я, сибирячка, жестоко там мерзла и мечтала быстрее улететь в Сибирь.

В Германии, Бельгии, Франции, Голландии мне всегда не хватало тепла. Во всех смыслах. Квартиры были холодными, как и люди, которых невозможно было растопить. От-

страненные и чужие. Вот это ощущение, из-за которого я бы никогда не осталась жить в этих чистых и процветающих странах.

Мне кажется, что Лянка лукавит. Не такая уж она и счастливая в придуманном ею шаблоне. Или...

Может быть, она стала другой, приняв шаблон жизни, шаблон этих человеческих отношений за свой? Или я просто ее плохо знала?

В любом случае, дай бог ей счастья!

Я же постараюсь быть счастливой без домика у моря, шикарной машины и мужа-олигарха. Потому что для меня счастье – когда в душе полная гармония, хочется думать, писать и знать, что есть люди, с которыми мне тепло и к которым я всегда могу вернуться. И они разожгут камин, наполнят мне ванну с пахучей пеной, как я люблю, и из записки вытащат припасенную бутылку дорогого вина. Потому что я приехала...

Киви

Киви. Заморский фрукт. Коричневый и бархатный сверху, зеленый и сочный внутри.

Она обожала этот фрукт. Покупала его при первой возможности, несмотря на цены и проблемы с зарплатой.

– Такое время, надо экономить, – говорило ей начальство, в очередной раз снижая проценты и бонусы за отлично сделанную работу.

Она молчала. Да ладно. Главное, что она занимается любимым делом. А снижения, понижения, увольнения – это все временное. Все наладится.

По вечерам она заходила в ближайший супермаркет за киви. На вечер она брала пять-шесть штук – ровно столько, сколько нужно, чтобы растянуть удовольствие, но и не баловать себя.

В супермаркете на выходе она и познакомилась с ним.

Сергей работал неподалеку топ-менеджером в компании, продающей дорогую бытовую технику. «Элитную», – подчеркнул он.

В его корзине лежал дорогой сыр, колбаса, большой кусок свежего мяса.

– О, у тебя есть все для салата! А у меня – для отличного жаркого! Давай скооперируемся! Не бойся, приставать не стану. Просто вдвоем есть интересней!

И они пошли к ней. Он жарил мясо. Она тщательно почистила и нарезала киви. В холодильнике нашлись яблоки и, неожиданно для нее, – лимон. В столовой на работе очень хорошо кормили, и она редко готовила дома. Зачем на это тратить время, уж лучше почитать книгу, а если совсем устала – тупо посмотреть сериал.

Сергей подошел к готовке мяса очень серьезно. Он даже еще два раза сбегал в магазин, чтобы купить недостающие приправы.

– Дома-то есть, – сказал он, – а тут – увы... Пустой шкафчик.

Она промолчала.

Хочется – пусть кухарничает.

Когда все было готово, она уже почти засыпала. День был трудным. Ей пришлось работать не только за себя, но и за приятельницу, у которой заболел ребенок.

– Садись за стол. Все как в ресторане! – радостно объявил Сергей.

Она с трудом разлепила глаза.

Да, блюдо выглядело аппетитно.

– Какой ты молодец! Я попробую, но мне совсем не хочется есть. Я сильно устала. И уже десять вечера: есть вредно.

Она взяла вилку и нож, отрезала кусочек мяса.

– Вкусно, конечно, но не в это время, не в этот час... –

И потянулась по привычке к любимому киви.

Вот продукт, который можно есть всегда!

Он проследил за ее движением. Его лицо искривилось.

Когда она с удовольствием надкусила второй кусочек, он взорвался:

– Как ты можешь есть эту кислятину, если я для тебя, – он повторил, выделяя голосом, – *для тебя* приготовил мясо по-французски?! Я колдовал над ним два часа, два раза бегал в магазин за приправами, а ты не хочешь есть, ты выбираешь эту мерзкую кислятину!

Она очень удивилась.

– Я же не просила. Ты же сам захотел это сделать. Ты же готовил ужин прежде всего для себя.

Но он уже не слышал. Он взял тарелку с красиво нарезанным киви, швырнул ее на пол и стал топтать нежно-зеленые дольки.

– Я так старался, а ты не оценила, не поняла! Проклятое киви! Шершавое, мерзкое, кислое, безвкусное!

Мясо, которое он приготовил, она аккуратно сложила в пакет и подала ему:

– Спасибо. С сегодняшнего дня я вегетарианка. Захлопни за собой дверь.

Она по-прежнему покупает киви в том же самом супермаркете. И долгим взглядом провожает молодых людей, которые, так же как и она, останавливаются, чтобы выбрать самые спелые и свежие киви. Пять-шесть штук, чтобы хватило лишь на один вечер. Она их понимает. Киви – это фрукт, который любят одинокие и независимые. Киви – для тех, кто не любит готовить, а обожает просто побыть вечером в тишине.

Киви предварительно нужно нарезать на овальные дольки, дольками этими очень приятно закусывать полусладкое вино или хорошо охлажденное мартини.

И она готова пригласить в гости того, кто знает в этом толк.

Так оно и будет.

Всему свое время.

А ей некуда торопиться.

Карьера или жизнь

Какая у нее была шуба!

Такая, что все-все завидовали.

Чернобурка!

Почти в пол. Шикарная.

Просто шикарная.

Другого слова не было.

У нее был свой центр. Медицинский центр для молодежи.

В России только-только начали открыто говорить о контрацепции и предохранении от ранней беременности.

Надька была первой, кто подхватил эту идею и подсуетил-ся. То есть открыл свой центр. Это было так неожиданно. Ново и непривычно для Сибири.

Она знала, чего хочет, знала, что нужно делать, чтобы ее поддержали.

Это же так по-новаторски. Это благородная миссия: спасти девочек от неожиданной беременности! Хватит уже быть колхозом «Красное вымя»!

Специальность у нее была подходящая – врач-венеролог, не хватало лишь ученой степени. Как здорово было бы: «кандидат медицинских наук», а лучше – «доктор медицинских наук Надежда Л.»! И визитная карточка с золотым тиснением. Плотная бумага. Она протягивает ее нужным людям... Ах, как этого ей хотелось!

Надька, Надька, где ты сейчас?

На небесах, как я объясняю моей внучке про людей, которых нет рядом.

Что случилось?

Все то, чего она хотела.

Я помню ее улыбающуюся, в роскошной шубе. Она только что сделала доклад. Лицо еще светится счастьем. Ее снова поддержали, все идет отлично.

– Смотри, что у меня на пальце. Бриллиант настоящий. Профессор из Москвы подарил. Буду у него защищаться. Староват он, конечно, но ничего, ради диссера стоит потерпеть.

Диссертация. Ох, как хотелось Надьке защититься как можно быстрее. Чтобы стать самой-самой. Шикарной во всех отношениях. Чтобы и внешний вид и статус совпали.

Ради диссертации она все вытерпит. Это же такие мелочи: кому-то подарочек, кому-то кофе в постель, кому-то...

А почему бы и нет? Если человек нужный.

Ведь заветная строчка на визитке стоила, на ее взгляд, любых уступок.

Надя справилась отлично.

Нашла, купила, подстроилась, легла, достала, улыбнулась, выстояла.

Доктор медицинских наук.

Своя клиника. Свой курс в институте.

Другой город. Все горизонты открыты.

Но стало болеть сердце.

И стихи, которые писались раньше легко и просто, стали приходить с мукой и болью.

И муж, прежде такой верный, понятный, простой, вдруг хлопает дверью и уходит.

И дочь начинает болеть. Неожиданно и странно.

И плохо. Плохо. Плохо.

Хорошая зарплата. Еще одна шуба. Отличный спонсор.

И пустота.

И боль за грудиной.

Непонятная. Тягучая. Труднообъяснимая.

Она врач. Она-то все поняла.

Но по-другому уже не могла.

Потому что уверовала, что карьера – это самое главное. Самое важное. И только ради этой минуты, когда тебе аплодирует зал, поддерживая тебя и твои научные изыскания, стоит жить.

А еще ради новой шубы. И ради машины, которая подвозит тебя утром к институту, где ты начальник. И твое слово очень значимо.

И вот она идет – Победительница. У нее все получилось. Все, как она хотела.

И возраст – самый расцвет. Самая ягодка.

Казалось, что жизнь только-только начинается.

И вдруг – рак!

Все интриги, зависть, унижения, жестокость к другим, вся эта гонка за докторской степенью вылились в болезнь. В ту самую, которая суммирует все, что накапливается в нас против себя, против любви, против людей и против придуманного несовершенства. Ведь так думала моя Надька. Я-то это точно знаю.

Ах, Надька, Надька!

Красивая, умная, но при этом совершенно зацикленная на карьере и людской оценке женщина.

Ты ушла так рано и так неожиданно.

Для тебя самой.

Для других – вполне ожидаемо.

Потому что нельзя вот так рушить, уничтожать, раскатывать по бревнышку то, что было важно в молодости, но в карьерном плане малозначимо и не ценно.

Муж?

Не понял, не оценил, и вообще – гад!

Дети?

Слишком много времени отнимают, а смысл? Уже большие, справятся!

Да, они ушли, справились, выжили.

Только тебя, Надька, нет!

Ты сгорела за год.

Тот самый год, когда стала начальницей и доктором наук.

Тебе принадлежал весь придуманный тобой мир.

Только себе ты уже не принадлежала.

Болезнь тебя просто съела.

А может быть, это твоя заплаканная душа перестала сопротивляться и подставлять тебе свои крылья?

Вот и все.

Надька, моя Надька...

У меня осталась фотография, где ты в шубе из чернобурки. Самоуверенная, яркая, дерзкая. Всем на зависть.

Я не успела получить твою визитку с золотым тиснением и подписью «доктор медицинских наук Надежда Л.».

Ты – подержать в руках ее успела.

Только взамен на жизнь.

Не слишком ли дорогая плата?

Бог тебе судья, Надька.

Я так и не научилась называть тебя по отчеству...

Когда уходит боль

В светлой больничной палате было тихо. Она была одна. Через несколько минут ее повезут в операционную. А пока она рассматривала солнечный лучик, который то замирал в углу под потолком, то начинал медленно кружиться. Совсем скоро она наконец-то попрощается со своей болью. Женской болью, которая останется в прошлом. Потому что у нее сегодня самая женская операция, после которой она уже никогда не станет больше матерью. Никогда.

А пока можно просто полежать, не думая, не переживая, не оглядываясь в прошлое.

Прошлое.

Прошлое.

Любовь в прошлом, которое и нужно сегодня отрезать.
Навсегда.

Так будет лучше. Сколько можно тянуть этот груз обид, недосказанности, горя, страданий?

«У нас с тобой больше ничего не будет. Я не хочу тебя. Можешь уходить, можешь оставаться. Только никаких поцелуев, касаний, объятий. Тем более – близких отношений. Делай что хочешь. Заводи любовника, уезжай надолго. Мы просто родственники. Или соседи. Как тебе удобно».

Она ехала на дачу и рыдала. Когда ее остановил гаишник, она даже не поняла, в чем дело.

– Вам плохо? Вам помочь? Дайте ваши права, я предупрежу напарников на дороге, чтобы они вас, если что, проводили.

Оказывается, она забыла права. Гаишник велел ей вернуться за документами, а лучше остаться дома. В таком состоянии не нужно садиться за руль.

– У меня теперь нет дома, – почему-то сказала она.

Гаишник тяжело вздохнул. В любом случае за документами нужно вернуться.

Добравшись через несколько часов на дачу, она растопила печь, налила бокал вина и тихонько завывала.

Как старая собака, которую хозяин больно пнул и вытолкнул за дверь.

Вина не хватило. Пришлось идти в магазин в другой дачный поселок. Ей было все равно. Никогда она не чувствовала себя такой больной, разбитой, никчемной, ненужной.

На следующий день она вернулась домой.

По дороге обрила голову в первой попавшейся парикмахерской.

Если волосы – это главный женский сексуальный символ, то пусть она будет лысой! Если ее не хочет собственный любимый муж, то пусть она для всех будет уродкой!

И потекли дни. Со стороны все выглядело как обычно. Они ходили вместе на выставки, принимали гостей, путешествовали.

Только ночью муж отодвигался от нее на край кровати,

не разрешая даже прижаться к нему.

Поначалу она еще пыталась как-то гладить его, прикасаться к нему, но он резким движением убирал ее руки.

От обиды, боли, унижения она сжималась и долго ворочалась, еле сдерживая набегающие слезы и готовые вот-вот прорваться рыдания.

Она по-прежнему любила его. Ей был нужен только он, только его губы, его руки.

Именно тогда у нее появились первые боли внизу живота. Гинеколог напрямую сказала: «Не будь душой. Какие твои годы, заведи себе мужика».

Она попробовала. Славка был классный, но, как оказалось впоследствии, запойный. С ним было здорово, если не брать в расчет то, что раз в месяц его увозили на «скорой» и откачивали под капельницами. И снова он был успешным бизнесменом, хорошим начальником, отличным другом и любовником.

Однако через полгода он сказал: «Все. Ты никогда не сможешь забыть мужа. Я постоянно чувствую его присутствие. Для тебя он единственный мужчина. Потому – точка».

Он был прав, этот добрый, чудесный алкоголик Славка. Общаясь с ним при муже, отвечая на его звонки в магазине или у друзей, она не скрывала, что говорит с мужчиной. Да это и дураку было бы понятно.

Но мужу было все равно. Он не упрекнул ее ни словом, ни выразительным взглядом. Никакой реакции.

По-прежнему только: «подай», «принеси», «спасибо». И всё.

Она нравилась мужчинам, она это прекрасно знала, потому что была веселой, озорной, безбашенной, игривой.

Но она не нравилась сама себе. Потому что после ухода Славки она решила, что нежеланна для всех мужчин.

Она больше не женщина. Она никто. Значит – нечего стараться.

И прошло еще несколько лет. С вечерним алкоголем, с новыми книжками по личностному росту, поисками себя и с нежеланием что-то менять.

Она пристроилась рядом, растворилась в муже, забыла, кто она и что из себя представляет. Лишь бы все было как всегда.

Идея с новой квартирой была ее.

Нехотя муж согласился, не обещая помогать по ипотеке.

Выбирали вместе. Ей понравилась совсем другая квартира. Двухуровневая, светлая, просторная. Муж не смог договориться с хозяином, в итоге психанул и сказал, что берет ту, которая нравится ему.

Она согласилась. Да, меньше, да, район хуже, да, у нее снова не будет кабинета...

Ремонт сделали прекрасный. Помогала знакомый дизайнер. Умница-девочка, которая просто чувствовала, что хочет новая хозяйка.

Уже перевезли вещи, книги. Можно было начинать новую

жизнь, на которую она все еще надеялась... Но...

– Здесь все по-твоему, – сказал муж. – Здесь нет места для меня. Потому я остаюсь в старой квартире.

– Это развод? – выдохнула она.

– Да, считай, что развод.

И она осталась одна в пустой и красивой квартире.

Сколько дней она плакала?

Сколько дней не вставала с постели?

Сколько выпила алкоголя?

Пока дочь не вырвала из рук бокал и не вылила остатки вина в раковину.

Ее увезли к психотерапевту. Но она не могла говорить. Просто беспрерывно плакала.

Потом молча положила деньги за прием и ушла. Да и чем ей могла помочь эта уставшая женщина в русском платке на плечах, если у нее самой бесконечная печаль в глазах?

Говорят, что время лечит.

Вранье это все! Оно лишь притупляет боль. Как бы размывает ее на большее пространство. На эту боль можно натолкнуться везде: нечаянно открыв альбом с фотографиями, взяв тарелку, подаренную в день свадьбы, перебирая платья, готовясь пойти в театр... Воспоминания настигают тебя. И снова боль наваливается с прежней силой. Мир снова теряет краски.

Так любить нельзя.

Конечно, нельзя. Только как добиться этого «нельзя»? Ес-

ли каждая клеточка помнит, тоскует, ноет, переживает?

И что в итоге?

Боль перешла жить туда, где когда-то начиналась любовь. Она превратилась в узлы, в спайки, многочисленные миомы, кисты. Чтобы в итоге уничтожить любовь. Выгнать ее из тела. Хотя бы из тела. Иначе погибнет сам человек.

Открылась дверь.

– Пора!

Она в последний раз взглянула на солнечный зайчик.

«Пока! Скоро не будет боли. Не будет обид. Не будет меня прошлой».

Как бы отвечая ей, солнечный зайчик затрепетал и рассыпался на сотню солнечных бликов.

И все озарилось, словно само солнце целиком вкатилось в палату.

Но она уже не увидела этого. Потому что плотно закрыла за собой дверь.

Старый приемник

Я просыпаюсь под звуки моего любимого романса.

«Динь-динь-динь – колокольчик звенит...»

Ангельский голос уплывает к небесам, мне хочется заплакать, я прижимаю к себе плюшевого медвежонка, который остался после выросшей дочери.

Динь-динь-динь...

Я уже плачу. Меня переполняет любовь, нежность. Но рядом никого. Только старый плюшевый медвежонок, который помнит руки моей маленькой дочери.

Странно. В доме тишина. Откуда же взялся звук? Я же только что слышала песню в исполнении Евгении Смольяниновой «В лунном сиянье»!

Я выхожу в прихожую. Здесь стоит старый приемник. Он точь-в-точь такой же, какой я подарила когда-то сыну на день рождения.

Когда это было?..

Четыре подружки. Презентация книги. Ирка, журналист, как и я, написала хорошую женскую повесть. Про любовь. Про иллюзии и разочарования. Про жизнь. Мы наглые и самоуверенные. Всё еще впереди.

Тогда приемник украли. Прямо на Иркиной презентации. Он стоил более ста долларов – большие деньги по тем временам.

Ирка вернула мне их с обидой:

– Украли, а я что, виновата? Это вечно пьяный поэт виноват.

Может, и правда, поэт, наш общий знакомый, был виноват: подарил кому-нибудь от широкого сердца. Не свое – не жалко. А может, и нет. Разве в той суматохе, что была на презентации, концы найдешь? Как бы там ни было, давала я приемник лично Ирке.

Первая трещина в отношениях.

Затем обиды, что не признают ее, не ценят. Она же писательница. А я должна повлиять-подействовать на своего мужа: он ведь руководит писательской организацией. Ирка хотела, чтобы ее приняли. Какой-никакой, а статус.

Но мужчины терпеть не могут дамские романы. Что тут поделаешь?

Потом заболела Наташка. Первая из нас. Надорвалась над своими диссертациями. Тоже что-то все пыталась доказать. Кандидатская, потом докторская.

Затем другая Ирка, цветочница, покончила с собой. Тоже не хватило любви. И признания. Выбросилась с десятого этажа гостиницы.

Нас осталось с Иркой-писательницей двое.

Поймала себя на мысли, что стою, прижавшись к косяку двери, и смотрю на старый приемник. А он продолжает что-то мурлыкать.

Странно, я его точно не включала.

**Вот и все.
Вот и кончились все наши беды.
Посижу
Помолчу перед тихим окном,
Пересказаны сказки
И песни пропеты,
Но идет ко мне девочка —
Маленький гном... —**

это мои мысли в такт мелодии.
А старый приемник ворчит дальше:

**Милая моя,
Солнышко лесное,
Где, в каких краях
Встретимся с тобою...**

Жизнь замыкает круг.

Эх, милый мой приемник! Если бы я слышала, точнее, слушала твои песни раньше!

Спешила, торопилась, сердилась, нервничала, обижала, не ценила, не понимала, высокомерничала, гордилась, задирала нос, врала.

Да, да, верно, приемник, гнала я на красный свет на невысшимой бешеной скорости.

Амбиции. Амбиции. На пустом месте.

**Отцвела черемуха, зацвела сирень,
У тебя душа поет, у меня ж мигрень.
Распустилась по весне и увяла вновь
Белая черемуха, первая любовь...**

«Хорошо там, где есть „Радио Дача“», – говорит приемник.

Да, приемник, хорошо, если есть дача. Туда можно убежать, уехать...

**Осенью, как всегда, небо с проседью.
Ты грустишь и глазами печальными
провожаешь...
Ну что мне делать, как его забыть?
Я научусь тебя любить...
Ты грустишь. Я грущу...
Сыграна эта партия.
Полчаса до полуночи...
Ну что мне сделать,
как помочь его забыть?
Шумит осенний дождь...
Не оставляй меня одну...
.....**

**Но идет ко мне девочка —
Маленький гном
В колпачке и пижаме,
Заберется на плечи
(Наши стены окажутся нам не тесны)**

**И расскажет мне сказку,
И станет мне легче,
Оттого что на свете
Существуют птенцы...**

И опять приемник. И опять песня:

**Мы будем вместе, я знаю,
Таких, как я – не бывает,
Таких, как ты – не теряют,
Мы будем вместе, я знаю...**

Ничего я не знаю, приемник. Да, я стала мудрее, спокойнее, терпимей. Научилась радоваться мелочам. Но еще не научилась забывать. Людей, что были рядом. Тех, кого когда-то обидела. У кого не попросила прощения.

Мне еще очень многому надо учиться.

Теперь уже в новой роли. Которая, надеюсь, тоже не последняя...

«Мне бы стать бы синей-синей птицей...» – поет Владимир Маркин из моего старого приемника. Который все еще нужен. Который все еще служит верой и правдой.

У нас еще много работы.

И приемник мигает мне своими синими глазами...

Соседи

Мы переехали в Новосибирск, когда дети были еще маленькими: пять лет да четыре года. После большой трехкомнатной квартиры в Прокопьевске двухкомнатная запущенная хрущевка казалась крохотной и неудобной.

Но в молодости все проблемы решаются легко и просто. Это же Новосибирск! А здесь перспективы для роста! Карьера! А у мужа еще и поэтическая слава. Ведь, живя в Кемеровской области, издать книгу в Новосибирске в то время было невозможно. И первый сборник должен был вот-вот появиться.

Из всех пожитков у нас был диван, четыре книжных полки и кухонный гарнитур. Купили в редакции по блату. Связки книг и нехитрые детские вещички. Всё. Начало новой жизни.

В первый же вечер, когда дети разыгрались, услышала стук по батарее. Ничего не поняла. Затем после смеха детей звук снова повторился. И так несколько раз. Я не могла взять в толк, что это за сигналы. Ближе к вечеру в дверь постучали. На пороге стоял кругленький моложавый мужчина лет сорока.

– Я ваш сосед. Ваши дети очень шумят. Прошу их успокоить.

Я пыталась сказать, что это малыши. Они сидеть тихо не умеют, да и ни к чему это.

В ответ было:

– Пусть сидят и катают друг другу мяч. Какая вы мать, если не можете успокоить детей!

Я пыталась что-то говорить, извиняться.

Это было только началом. Сосед стал нашим кошмаром.

Мы всё делали не так.

Постиранное белье капало с балкона.

Вода в кране слишком шумела.

Холодильник очень гудел.

Мы громко разговаривали.

Наша собака лаяла.

Вначале я интеллигентно оправдывалась. Потом начала

отвечать. Кратко и грубо.

Моя мама, приехав погостить к внукам, была с ним более резка. Она взяла веник и гаркнула: «Пошел отсюда, а то сейчас веником поддам!»

Самое страшное было, когда приехал мой папа-фронтовик. Он в конце жизни очень плохо засыпал. У него болели ноги, простуженные на войне. Он маялся, ворочался, растирал ноги мазью. И вот, когда он только задремал, его разбудил телефонным звонком сосед. А потом он появился сам. Мол, в туалете громко шумит вода.

Я впервые наорала на него. Уже не сдерживаясь.

Каждый день я мечтала о том, чтобы сосед уехал, переселился, исчез из моей жизни навсегда.

Жена соседа Нина была его бледной тенью. Она вяло поддакивала, когда он скандалил, иногда приходила сама, просила: Ловцов ругается, не могли бы вы потише...

Удивительно. Я так и не знаю, как звали соседа. Он остался в моей памяти как Ловцов.

Письма из ЖЭУ, точнее его заявления о нашем недостойном поведении, мы получали регулярно. Приходили и делегации, которые проверяли, смотрели, замеряли уровень шума воды и холодильника и просили: «Пожалуйста, как-нибудь уж решите с ним. Завалил своими кляузами».

Я бы не стала сейчас вспоминать соседа и тот кошмар, если бы не удивительная история, случившаяся в конце нашего с ним знакомства.

Я допоздна работаю. Ночью как-то особенно хорошо пишется. Тишина в доме, покой в душе и в мыслях помогают рождаться словам.

Я писала.

Вдруг на пороге появилась соседка Нина. Как она вошла – я даже не успела подумать.

– Наташа, я хочу у вас попросить прощения. За все, что мы сделали плохого для вас. Я знаю, как мы вам мешали нормально жить. Простите меня. – И она так же бесшумно и таинственно исчезла, как и появилась.

Я посмотрела на часы. Было где-то половина второго.

Утром другая соседка сообщила, что ночью, как раз в половине второго, Нина умерла.

Я обомлела. Но это не все. В это же время она, оказывается, заходила и к моему сыну. Мы уже жили в разных квартирах. Я на первом этаже, а сын на четвертом.

Я плохо помню эту женщину. А вот как она стоит на пороге и просит у меня прощения – эта картина врезалась в мою память на всю жизнь.

Ловцов в итоге продал свою квартиру. Но это было намного позже, когда я там уже не жила.

Я и сейчас, когда давно перевалила за тот возраст, в каком был Ловцов, думаю: «Как можно в сорок лет так не любить людей, так не уметь прощать их слабости, так требовать подчинения и уважения *своих* правил? Правил, тобой самим же и придуманных».

Мне рассказывали, что он хороший сотрудник, конечно педант, но с ним можно работать. Так почему же дома он был другим? И почему весь его гнев обрушивался именно на нас? Потому что у него не сложилось в семье? Говорили, что от них сбежал сын и где-то погиб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.